

ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАНИЦ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОГРЕСС ТЕОРИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

© 2022 г. В.А. Колосов

Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: kolosov@igras.ru

Автор ставит своей целью кратко проанализировать объективные причины усиления интереса к исследованиям границ (*border studies*), превратившимся за последние 30 лет в крупное междисциплинарное научное направление, и прогресс их теории. Многообразные подходы к изучению границ можно условно подразделить на две больших типа – прагматический и критический. Традиционный прагматический подход, опирающийся на анализ функций границ и в основном использующий историко-картографические, сравнительно-типологические и статистические методы, получил значительное развитие благодаря вниманию к иным, помимо государства, акторам – местным властям, бизнесу, общественным организациям и др. Значительно обогатилась его информационная база, усилилось понимание значимости приграничного сотрудничества и социальных практик, связанных с границей. Критический подход направлен на изучение когнитивно-символических функций границ, связанных с их восприятием, репрезентацией как знаковых систем, политикой памяти, дискурсами и нарративами. Ныне прагматический и критический подходы интегрированы, в том числе в модели «практика – политика – восприятие». В значительной мере под влиянием геополитических сдвигов последних лет в нарастающем потоке исследований границ сформировались семь ключевых тем, в числе которых анализ роли границ как инструмента контроля международной миграции и регулировании других общественных процессов, повсеместная активизация барьерной функций рубежей разного уровня, перераспределение функций между ними и др. Намечено одно из направлений дальнейшего развития исследований границ – изучение взаимосвязи и изоморфизма границ разного уровня. По мнению автора, изоморфизм означает сходство функций формальных (государственных, административных) границ на всех уровнях, хотя и по-разному и в разных соотношениях проявляющихся на каждом из них. Причина такого подобия заключается в том, что границы выступают средством адаптации пространства к перераспределению политического влияния между разными акторами и центрами, изменениям геополитического положения, территориальному распределению населения и хозяйства.

Ключевые слова: исследования границ, теоретические концепции, основные направления, функции, изоморфизм.

DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-2

Введение и постановка проблемы. За 40 лет после выхода знаменательного сборника «Географические границы» исследования границ (*border studies*) превратились из традиционной, но периферийной области общественно-географических исследований в мощное самостоятельное междисциплинарное направление, особую дисциплину, которая обзавелась теперь уже вполне сложившимися институтами и продолжает развиваться вширь и вглубь. В числе этих институтов – международная Ассоциация пограничных исследований (*ABS*), проводящая всемирные конгрессы и издающая свой высокорейтинговый журнал (*Journal of Borderlands Studies*). Другие научные журналы, в том числе и российские, выпустили немало специальных номеров, посвященных границам. Регулярно созываются конференции *Borderscapes* и *Border Regions in Transition (BRIT)*. Пограничная тематика неизменно

входит в программы конгрессов Международного географического союза, Международной ассоциации политических наук, национальных научных форумов. Созданы специализированные исследовательские центры и научные группы, работающие в Карельском институте Восточно-Финляндского университета (J. Scott, J. Laine, I. Liikanen и др.), нидерландском Центре пограничных исследований в Наймигене (H. van Houtum), лаборатории *PACTE (Politiques publiques, Action politique, Territoires)* в Гренобльском университете во Франции (A.-L. Amilhat-Szary), Университете Негев в израильском городе Беер-Шева (D. Newman), британском Университете Дарема (лаборатория *International Boundaries Research Unit, IBRU*), Славянско-Евразийском центре в Университете Хоккайдо (A. Ivashita), Университете Виктории в Канаде (E. Brunet-Jailly) и многих других. В России исследования границ давно

уже не ограничиваются Москвой и Петербургом и ведутся в таких научных центрах, как Смоленск, Калининград, Петрозаводск, Псков, Улан-Удэ, Иркутск, Чита, Владивосток и др.

Как уже было отмечено [4; 14], границы ныне – объект изучения многих наук: помимо обеих «крыльев» географии (общественного и естественного), политологии, социологии, международного права, культурной антропологии, философии, этики и даже литературно- и искусствоведения. Border studies стали своей рода научной модой, и В. Мамаду, сопредседатель Комиссии Международного географического союза по политической географии, назвала ее «эпидемией бордеритиса» [49].

Теоретический прорыв в мировых исследованиях границ начался во второй половине 1990-х гг. и продолжился в первом десятилетии XXI в. Он связан не только со значительным развитием традиционного *прагматического* подхода, опирающегося на анализ функций границ и в основном использующего историко-картографические, сравнительно-типологические и статистические методы, но и с новым пониманием формирования и функционирования границ как органической потребности общества и результатом сложного непрерывного процесса территориального разграничения, в который вовлечены государство и многие другие акторы. Это привело к появлению *критического* подхода к исследованию границ, нацеленного на изучение их когнитивно-символических функций и неразрывно связанного с критической геополитикой [8; 17; 18; 52; 53; 62].

Задача настоящей работы – проанализировать достижения исследований границ за последние 30 лет на фоне мировых событий, вызвавших усиление интереса к пограничной тематике, и наметить одно из направлений дальнейшего развития этого направления – изучение взаимосвязи и изоморфизма границ разного уровня.

Результаты исследования.

Прагматический подход

Прагматический подход исходит из конкретности мест, фактов, доступных для измерения и статистического анализа и предполагает изучение истории происхождения, делимитации, режима и практики пересече-

ния границ и их воздействия на прилегающие территории. Это позволяет анализировать «объективные» свойства разделяемых границами территорий, специфику и специализацию хозяйства, характер расселения, демографические процессы, социально-экономические градиенты, товарные потоки, миграции населения и пр.

Было показано, что функции и режим границ меняются далеко не только под влиянием действий центральных властей, межгосударственных отношений с соседней страной – решений, касающихся двусторонних обменов, трансграничных коммуникаций, приграничного сотрудничества. Местные сообщества играют в трансграничных связях совсем не пассивную роль. Они вырабатывают умение искусно использовать в своих интересах политические и социальные различия, перепады в ценах на товары и услуги между своими государствами, что было ярко продемонстрировано в фундаментальном труде американского историка П. Салинса о населенной каталонцами долине Чердания, разделенной границей между Францией и Испанией [61]. Российский антрополог М.С. Михалев [12] недавно показал на примере малых народов, живущих в порубежье между Россией и Китаем, как неизбежность политических границ накладывается на текучесть этнических разграничений и как эти народы использовали в собственных целях соперничество великих держав. Автор подчеркнул парадоксальность интересов центра и приграничья: с одной стороны, центр опасается использования своей иной в культурном отношении пограничной периферии в интересах соседней страны и нередко стремится ассимилировать эту периферию, а с другой, зависит от ее же благополучия как залога добрососедских отношений с соседом и геополитического равновесия.

Новацией в прагматическом подходе стало и внимание к иным акторам, деятельность которых существенна для функционирования границ – бизнеса, общественных организаций [47], СМИ и др. [48]. Была расширена информационная база исследований границ с использованием прагматического подхода: в нее вошли не только статистические данные о приграничных территориях и трансграничных потоках, но и тексты: стратегии развития, договорно-правовая база пригра-

ничного сотрудничества на разных уровнях, различия в правовом пространстве соседних государств [16; 30; 55].

Важнейшим результатом прогресса в применении прагматического подхода было доказательство на основе обширного конкретного материала, что граница – источник не только рисков и угроз, но и особых возможностей для ускоренного экономического и социального развития благодаря взаимодействию соседних экономик и культур, кооперации и координации хозяйственных планов. Без «малой» трансграничной интеграции невозможна интеграция «большая», на уровне стран [3]. В условиях активных трансграничных взаимодействий любое трансграничье является в той или иной степени принципиально новым культурным образованием [63].

Таким образом, граница – это не только условная статичная линия на земной поверхности и правовой институт, но и основа определенных социальных практик. Понятие границы неотделимо от территориальности, понимаемой, согласно классическому определению Р. Сакка [59] как попытка индивида или социальной группы воздействовать на людей, явления и отношения и контролировать их, разграничивая и устанавливая контроль над географическим ареалом. Следовательно, граница формирует иерархию территорий. Эта функция особенно заметна у государственных границ, которые разделяют суверенное правовое, экономическое и т.д. пространство больших и малых стран, задавая определенные формы общественной жизни в своих пределах. При этом они определяют и внутреннее политико-административное членение их территории. Границы влияют на многие отношения между людьми, зависящие от их местонахождения в пространстве, на определенной территории. Географическое пространство становится территорией государств и их объединений, провинций и муниципалитетов только в результате появления границ между ними. Границы неизбежно способствуют фрагментации пространства, усиливают неравенство между территориями, социальными группами и людьми.

Стало быть, границы разделяют не только территории, но и людей – тех, кто имеет право находиться, пользоваться определенными привилегиями или совершать какие-

либо действия на данной территории, и тех, кто таких прав не имеет: *who is in and who is out*. Ввиду этого границы по своей природе глубоко конфликтны и неразрывно связаны с политической властью, соперничеством разных социальных акторов за контроль над территорией и принуждением (насилием), которое проявляется и в территориальных конфликтах, и в возведении пограничных барьеров, и в визовом режиме, включающем дискриминацию отдельных категорий граждан. Для обозначения этих свойств границы голландский географ Х. ван Хотум предложил получивший широкое распространение термин *b/ordering*, представляющий собой гибрид между английскими словами «граница» (*border*) и *order* (порядок, приказ) [38; 39; 62].

Специалисты по границам – исследователи и практики наталкивались на противоречие между границами суверенитета государства над своей территорией и сложившимся территориальным рисунком кочевий, трудовой миграции, разного рода сетевых структур, чересполосным или смешанным расселением этнических групп. Во многих случаях оказалось невозможно найти идеальный, всех устраивающий компромисс между начертанием жестких линейных границ и «ареальными» социально-территориальными структурами, нередко отличающимися зыбкостью и неопределенностью. Такие ситуации складывались, например, при территориально-государственном размежевании между бывшими советскими республиками в первые десятилетия советской власти или при определении границы между Италией и Югославией в районе Триеста по окончании Второй мировой войны. Поиск лучшего варианта разграничения порождал конфликты и вызывал необходимость болезненного пересмотра границ.

Критический подход

Главная причина появления новых концепций в пограничных исследованиях – изменение функций границ в связи с кризисом государственного суверенитета. Избирательность процессов глобализации, углубляющих контрасты между странами и регионами, привела к росту внутренней неоднородности государств, асимметрии и асинхронности развития соседних территорий, усложнению иден-

тичности. При этом стратегия этнических и других политических активистов часто состоит в усилении региональной и местной идентичности в ущерб общегосударственной. Подвижность современных идентичностей используется силами, преследующими частные, корпоративные интересы. В результате крупные идентичности замещаются локальными, племенными, а мировые религии уступают место сложной мозаике новых конфессий и сект. В том же направлении действует растущий индивидуализм: люди все чаще ассоциируют себя с конкретным местом, где они живут и желают оградиться от «чужих» (мигрантов, бедных, людей другого вероисповедания и т.д.). Регионализация и интеграция вызвали перераспределение барьерных и контактных функций между границами: некоторые границы становились более «прозрачными», проницаемыми, тогда как другие превращались во все более жесткие барьеры [24].

В эпоху глобализации все большее значение приобрела регулирующая (контактная и барьерная) функция границ, в том числе обеспечение безопасности, транзит и фильтрация потоков людей, товаров, капиталов, информации и пр. Для регулирующей функции характерны широкое использование современных технологий и основанная на них дифференциация линий и ареалов контроля для разных субъектов деятельности – пространственная мобильность и динамизм режима и статуса территориальных рубежей [17; 57]. Неравномерность процессов разграничения территорий и разная устойчивость их результатов на разных уровнях привела исследователей к мысли о динамическом соотношении между стратегиями разграничения разных политических акторов, основанных на интересах отдельных сообществ, связанных с их традиционными источниками доходов, самоотождествлением с определенными этносами, восприятием соседей и представлениями о своем месте в мире.

В результате осмысления этих процессов в 2000-х гг. было разработано ключевое понятие в современных исследованиях границ, которому трудно подобрать однозначный и краткий русский эквивалент – «bordering», в свою очередь, неразрывно сопряженное

с новым теоретическим подходом, названного критическим. *Bordering* означает не только формирование и обустройство границ, но и постоянный процесс изменения их режима, функций, общественного значения – например, в результате изменения политических стратегий и дискурса в СМИ, сдвигов в международной обстановке и двусторонних отношениях, курса валют и мировых цен, в ходе повседневной деятельности политических институтов и практики трансграничных взаимодействий и т.д. В соответствии с современными представлениями границы не есть нечто неизменное, раз и навсегда данное: они представляют собой результат социально-политических процессов и постоянно меняются в процессе функционирования [9; 14; 15; 53; 62].

Критический подход в исследовании границ исходит из невозможности прямой интерпретации конкретных фактов, поскольку они обретают свой смысл только в контексте социальных представлений, мнений, политического дискурса, идентичности. В фокус исследований вошли не только «материальные» границы, но и не всегда заметные, но чрезвычайно важные культурные, социальные и религиозные рубежи, определяющие фрагментацию политического пространства, сдвиги в территориальной идентичности и способы управления обществом. Критический подход направлен на изучение когнитивно-символических функций границ, связанных с их восприятием, репрезентацией как знаковых систем, политикой памяти, дискурсами и нарративами [5]. Эти функции включают формирование территориальных идентичностей, географического места, понимания национальных и специфических региональных (локальных) интересов и безопасности, восприятия соседних территорий, легитимацию политической власти и организацию контроля над территорией. Поставлен вопрос об общих свойствах границ разных уровней, в том числе таких как маргинальность, лиминальность и гибридность пограничных сообществ.

Линии разграничения фиксируют территориальные различия и одновременно продуцируют их, поскольку формируют географическое место – специфику территорий разного ранга и идентичность их жителей. По выражению известного географа

Ж. Готтманна, граница – это фабрика идентичностей. Даже сравнительно кратковременное существование государственных, а во многих случаях и внутренних границ служит сильным фактором формирования идентичности. Иными словами, вопрос о том, что первично – идентичность или границы, не имеет однозначного ответа. Когнитивная функция границ проявляется в отделении «наш» от «чужих» путем социализации граждан, создания культурного и символического ландшафта, исторических мифов и нарративов, воспитания их отношения к окружающему миру, в том числе соседям, представлении о миссии своего государства, его внутренних и внешних задачах, доверии правящему режиму, осознании необходимости перераспределения им части доходов и уплаты налогов и т.п. Эта функция отражается в институте гражданства: во многих странах часть населения, в том числе поколениями проживающего на их территории, не имеет полноценных гражданских прав.

Разумеется, разделение между прагматическим и критическим подходами весьма условно. Ныне чаще всего используется их сочетание. Граница – это и правовой институт, и материальный феномен, и категория общественного сознания (элемент идентичности, комплекс социальных представлений), и символ территориального суверенитета, и социальная практика, и материальный феномен, и разделительная линия с прилегающим к ней пространством, на которое она влияет. В исследовании границ важны ее статус, политический дискурс об отношениях с соседними странами и внешним миром, потенциал соседних политий, интересы различных игроков, пространственная конфигурация трансграничных взаимодействий и коммуникаций, восприятие рубежа населением с обеих его сторон.

Прагматический и критический подходы интегрированы в модели «практика – политика – восприятие» (ППВ). Ее идея заключается в том, что каждая из составляющих этой триады является производной одновременно от двух других ее компонентов на разных уровнях – от глобального и макрорегионального до локального. Таким образом, модель ППВ органически сочетается с принципом полимасштабности, поскольку общественная практика зависит и в то же время влияет

на институциональные и социально-политические факторы, проявляющиеся в разных масштабах – от глобальных и наднациональных до сугубо локальных [28; 46].

Современный мир и основные направления исследований границ

Мировые потрясения последних лет с новой силой высветили значимость политических и административных границ в жизни общества и еще более усилили внимание исследователей к их изучению. К числу таких потрясений относятся:

- нарастание общего геополитического кризиса, в том числе ухудшение отношений между США и КНР, все более частое нарушение норм ВТО и стремление к «огораживанию» национальных или региональных рынков;
- напряженность между Востоком и Западом, переросшая в резкое ухудшение отношений между ними, а после начала специальной военной операции на Украине – и в полный разрыв, беспрецедентные санкции и свертывание торгово-экономических, научно-технических и дипломатических связей, прекращение авиационных и других сообщений, ужесточение визового режима, вплоть до запрета на выдачу виз российским гражданам в некоторых странах, остановку приграничного сотрудничества. Границы России со странами ЕС превратились во фронтальные барьеры. Изменилось геополитическое положение многих ее приграничных регионов, в том числе прилегающих к зоне военных действий. Европейские страны захлестнул многомиллионный поток беженцев. Эффекты этих событий усиливаются радикальным политическим дискурсом с обеих сторон;
- приход талибов к власти в Афганистане, создавший угрозу безопасности обширного региона Азии, обостривший проблему мирового терроризма и усиливший риторику секьюритизации;
- пандемия коронавирусной инфекции, вызвавшая временное закрытие многих государственных и внутренних границ, их превращение в почти непреодолимые для людей, а иногда и

товарных потоков барьеры. Пандемия выявила пределы выживания местных сообществ и экономик, в большей или меньшей степени изолированных от внешнего мира;

- серия миграционных кризисов в Европе и других регионах мира, расцененных во многих странах-реципиентах мигрантов как крупная угроза идентичности и давших новый толчок политике секьюритизации. Эти кризисы отразились во все более широком использовании новейших технологий в охране границ и борьбе с нелегальной миграцией.

В России размер территории и многососедское географическое положение, региональное и этнокультурное разнообразие, пространственная неравномерность развития определяют постоянный интерес к исследованию влияния формальных и неформальных границ разного уровня на жизнь общества. Актуальность пограничной проблематики возрастает в связи с рядом внутренних и внешних факторов:

- сдвигами в экономике и расселении, неравномерностью пространственного развития, территориальным несопадением различных политических и культурных общностей с установленными государственными, административными и муниципальными границами;
- информатизацией общества, усилившей мобильность границ;
- муниципальными реформами и административными преобразованиями, которые привели к изменению межрегиональных и межмуниципальных отношений в стране, а в некоторых случаях породили конфликтные ситуации;
- усилившейся политизацией истории в соседних странах, высоким интересом к событиям и фактам, интерпретацию которых различные политические силы используют как аргумент в борьбе за свою легитимность, контроль над территорией и ресурсами;
- вовлеченностью России в конфликты вокруг непризнанных или частично признанных государств на постсоветском пространстве.

В значительной мере под влиянием геополитических сдвигов последних лет в мно-

гообразном потоке исследований границ сложились несколько ключевых тем.

Первая магистральная тема – анализ роли границ как инструмента контроля трансграничной миграции. В публикациях по этой теме можно различать несколько направлений, в том числе изучение воздействия миграции на социальное положение на приграничных территориях, путей транзита нелегальных мигрантов, эффективности и социально-культурных последствий возведения во многих странах физических барьеров вдоль границы – бетонных стен, проволочных заграждений, сетей электронного слежения и т.п. К 2018 г. их протяженность достигла примерно 16% длины всех сухопутных государственных границ [25; 28; 40; 53].

Вторая тема тесно связана с первой – повсеместная активизация барьерных функций границ (*re-bordering*), вызванная, по мнению многих авторов, приостановкой глобализации или даже ее поворотом вспять, репатриацией иностранных инвестиций и производств, распадом либерального экономического порядка. Усиливаются протекционистские тенденции, устанавливаются новые таможенные барьеры и квоты. Участились грубые нарушения принципов ВТО, санкции и контрсанкции, ограничения инвестиций в определенные отрасли, прочие проявления «экономического патриотизма» [27; 35].

Третья ключевая тема, также связанная с первыми двумя, – фрагментация мирового политического пространства и появление новых политических границ, перераспределение функций между государственными и иными границами – наднациональными, административными, специально установленными для определенных целей. Это результат двух многоуровневых и сопряженных процессов – интеграции и регионализации (фрагментации). Диалектическое соотношение между ними глубоко анализируется Дж. Розенау, автором концепции «фрагментации» (*fragmeration*). Связь этих двух феноменов с эффектами и функциями границ рассматривается на примере отдельных трансграничных регионов [11; 13], а также в контексте исследований европейской интеграции [10; 55], в том числе с позиции теории многоуровне-

вого управления [2]. Концепция де- и ре-территориализации объясняет соотношение между интеграцией и регионализацией под влиянием культурных и политических изменений. Многие регионы мира стали ареной религиозного фундаментализма, сепаратистских, националистических движений, культурного изоляционизма. Границы культурных ареалов не всегда совпадают с формальными границами. Культурные границы в первую очередь выполняют внешние функции, обеспечивая контакты между культурными ареалами, в то время как формальные границы принимают на себя главным образом внутренние функции, способствуя укреплению суверенитета и территориальной целостности государства, социальной и этнокультурной интеграции его населения. Обострение социально-политических конфликтов обнажает противоречие между культурными и формальными (государственными) границами, в чем состоит одна из причин появления на политической карте мира новых территорий, не контролируемых легитимными правительствами.

Четвертая тема – границы разного уровня как важнейший инструмент регулирования общественных процессов во время пандемии коронавируса. Была выявлена большая роль культурных и других неформальных границ в распространении инфекции (например, между бедными и богатыми районами и городскими кварталами) [24; 31; 34; 56; 58]. Заболеваемость зависит от образа жизни, форм досуга, культуры повседневности и управления, доверия институтам власти. Например, в Швейцарии на эпидемической карте обнаруживается разное течение пандемии в германо-, франко- и италоязычных кантонах, хотя внешние, государственные границы были закрыты. Государственные, административные и иные внутренние рубежи использовались для замедления роста заболеваемости и предотвращения коллапса системы здравоохранения, в том числе с помощью информационных технологий. Это породило опасения использования соответствующих технологий по окончании пандемии для слежки за гражданами и усиления авторитарных тенденций в политической жизни. Борьба с пандеми-

ей и ее экономическими последствиями потребовала децентрализации политических решений, что повысило значимость региональных и местных властей, различий в их политической ориентации [44].

В целом пандемия способствовала геополитической фрагментации мира, дальнейшему его разделению на «своих» и «чужих». Эта тенденция ярко проявилась в непризнанных (частично признанных) государствах на постсоветском пространстве. Их руководство не закрывало по своей инициативе границы с государствами-«патронами» (Россией и Арменией), но наоборот, воспользовались пандемией, чтобы надолго заблокировать рубежи с «материнскими» государствами – Грузией, Азербайджаном, Украиной [33; 45].

Пятое крупное направление в исследованиях границ – изучение взаимосвязи между их свойствами (прежде всего, статусом и длительностью существования) и адаптивностью функций к внешним воздействиям. Получила дальнейшее развитие концепция мобильных границ [46]. Многие авторы анализируют вынос некоторыми государствами определенных функций границ, например, контроля миграционного и других потоков, далеко за пределы своей территории, делегирование их специальным международным институтам и частным компаниям [17; 18; 19; 50]. Особую актуальность это направление приобретает в связи с пандемией COVID-19, фактически переформатировавшей сложившиеся трансграничные практики [24; 30; 31; 58].

Шестая тема, не теряющая актуальности, – анализ влияния границ разного уровня на жизнь общества в результате взаимодействия соседних стран, регионов, местностей [54]. Ставится задача выявить эффекты границы, воздействующие на хозяйство, региональные и местные власти, местных жителей, их повседневные практики и идентичность [6; 7; 20; 64]. Исследуется роль границ в формировании различий между людьми и социальными системами по разные стороны рубежа. Установлено, что «открытие» границ лишь видоизменяет, а иногда и подчеркивает различия между странами и регионами, разного рода градиенты на их границах [21; 23; 42]. Изучаются

также линейно-узловые структуры, формирующиеся благодаря трансграничным потокам людей, товаров, капиталов [22; 36]. В практической плоскости это означает изучение предпосылок и институтов приграничного сотрудничества в разных географических условиях. Наибольшее значение приобрели вопросы стабильности и универсальности закономерностей развития приграничного сотрудничества, оптимизации его правовой базы и управления формирующимися трансграничными районами [1; 32; 60].

Наконец, седьмая магистральная тема – взаимосвязь междуграницами разного уровня в мировой системе, их общие свойства и использование в политических решениях в целях создания и поддержания определенного социального порядка. Исследователи границ перешли от изучения почти исключительно границ между государствами к изучению иных социальных границ в разных географических масштабах, начиная от местных, муниципальных и кончая макрорегиональными и надгосударственными рубежами. Новые политические границы на всех иерархических уровнях практически никогда не возникают «с нуля» и лишь изредка секут старые границы. Чаще всего культурные границы трансформируются в формальные, и наоборот. В то же время бывшие формальные границы при определенных исторических обстоятельствах могут вернуть полностью или частично свой официальный статус, вновь став границей государства или его провинции. Известный французский географ Ив Лакост назвал границы «историей, запечатленной в пространстве». За последнее десятилетие возникла довольно обширная литература о реликтовых границах. Так называют границы, утратившие функции разделительной линии между государствами, но остающиеся политическими и культурными барьерами, проявляющимися в экономической, социальной и политической деятельности. Иногда такие границы обозначают как фантомные, но на наш взгляд, фантомные границы – это особый вид реликтовых границ, поныне вызывающие сильные эмоции в общественном мнении и не исчезающие из политического дискурса [41]. В фокусе исследований были сущность и механизмы воспроиз-

водства в течение длительного времени региональных различий, связанных с реликтовыми границами [37].

В то же время наблюдается очевидное противоречие между интеграцией различных политических, административных и культурных границ в единую, тесно взаимосвязанную систему и их растущей дифференциацией. Функции, режим и роль границ в обществе все больше зависят от географического контекста. Их основные функции распределяются неравномерно между их различными парами или участками. Некоторые государственные границы («фронтальные», или «глобальные») важнее, чем другие, из-за сильных барьерных функций или потому что они совпадают с «неформальными» культурными, экономическими и лингвистическими границами, как, например, американо-мексиканская граница. Кроме того, сами государства в высшей степени неравны. Большинство суверенных государств – малые или карликовые. Их суверенитет неизбежно ограничен экономической и/или политической зависимостью от более крупных держав. В свою очередь, это ведет к сильному неравенству в режимах и функциях их границ.

Взаимосвязь политических и административных границ и их изоморфные свойства

Перефразируя известное выражение Бенедикта Андерсона, можно сказать, что любая граница направлена вовне, чтобы обеспечить безопасность и единство (идентичность) социальной группы, и внутрь, чтобы отделить ее территорию от территории соседей. Границы изоморфны, то есть по функциям подобны, хотя и не тождественны друг другу.

Делимитация границ и манипуляция их функциями и режимом – важнейшее средство управляемости обществом. Изменение границ, иногда называемое геоинженерией, широко используется политической элитой и иными субъектами политической деятельности для достижения своих целей. К примеру, признание нового государства и соответствующее изменение границ может иметь целью урегулирование конфликта, обеспечивая самоопределение этнической или территориальной общности. Расширение границ города за счет прилегающих муниципальных

образований может быть направлено на усиление его потенциала, создание территориальных резервов для застройки, повышение управляемости развитием агломерации, выделение в ее составе новых селитебных, промышленных и рекреационных зон. В то же время объединение муниципалитетов, включение одних муниципалитетов в другие лишает местные сообщества субъектности и может привести к потере локальной идентичности и снижению потенциала самоорганизации как важнейшей составляющей развития на локальном уровне.

Изоморфизм означает сходство функций формальных (государственных, административных) границ на всех уровнях, хотя и по-разному и в разных соотношениях проявляющихся на каждом из них. Исследователями выделены разные «наборы» функций границ. Нередко речь фактически идет о разных аспектах одних и тех же функций, называемых по-разному. Можно назвать следующие функции, свойственные всем видам политико-административных границ (приводимый перечень, конечно, не исчерпывающий):

- организация и управление территорией, обеспечение ее безопасности. Как уже отмечалось, географическое пространство становится территорией государств и их объединений, провинций и муниципалитетов только в результате появления границ между ними;
- символическая функция: формирование (укрепление) идентичности населения и уникальности территории;
- когнитивная функция: без политико-административных границ невозможно познание внешнего мира и ориентация в нем, формирование ментальных карт в сознании человека;
- интеграция и разделение пространства, что выражается в том числе в процессах перераспределения функций между границами разного уровня (*re-bordering* и *de-bordering*). Любая граница – барьер, от которого зависит *who (what) is in and who (what) is out*;
- легитимация политической власти и контроль над территорией;
- гомогенизация территории в пределах границ за счет их нормативной роли; границы «выползаживают» социальный ландшафт в своих пределах;

- установление (модификация, трансформация) центр-периферийных различий;
- формирование и усиление контрастности пространства; границы закрепляют и способствуют неравенству;
- притяжение или отталкивание хозяйственной деятельности или ее определенных видов (эффект границы).

Изоморфизм политических и административных рубежей объясняется тем, что они выступают инструментом адаптации пространства к перераспределению политического влияния между разными акторами и центрами, изменениям геополитического положения, территориальному размещению населения и хозяйства. При этом важно помнить, что свойства границ определяются не только и часто не столько их начертанием, конфигурацией, соотношением с географическими реалиями, но использованием в качестве политического и хозяйственного инструмента, регулирующего жизнь общества в определенных границах, то есть функциями и режимом.

В качестве примера можно привести границы Калининградской области СССР, а после его распада – России. Их конфигурация остается прежней все годы после присоединения части Восточной Пруссии к Советскому Союзу, однако свойства отдельных участков менялись многократно и радикально – иногда постепенно, иногда резко, в результате принятия какого-либо государственного акта или заключения соглашения. Значимая в функционировании хозяйства и в повседневной жизни, но «прозрачная» при перемещении грузов и людей граница области с Литвой превратилась в государственную, которая к тому же с 2004 г. стала также границей между Россией и ЕС, а через несколько лет – и границей Шенгенской зоны. Превращение Калининградской области в российский эксклав, окруженный странами ЕС, значительно осложнило ее взаимодействие с другими регионами России, но в то же время рассматривалось поначалу как уникальное преимущество ввиду географической близости к странам ЕС, возможности использовать международные рынки товаров и услуг, выгодную логистику и созданные Евросоюзом на его восточных рубежах институты пригра-

ничного сотрудничества. Речь даже шла о превращении Калининградской области в «лабораторию сотрудничества» между Россией и ЕС. В регионе быстро развивалась сборка автомобилей и товаров длительного пользования из импортных деталей и материалов в расчете на общероссийский рынок. Однако санкции, наложенные западными странами на Россию в 2014 г. и особенно после начала специальной военной операции на Украине в 2022 г., превратили преимущества геополитического положения региона в полную противоположность и затронули коренные основы экономики области. Функции границ адаптировались к новой ситуации: они превратились в жесткие барьеры для всех видов потоков.

Аналогичные процессы адаптации наблюдаются и на других уровнях. Границы между субъектами РФ служат инструментами учета их специфики и адаптации к разным реалиям, поскольку правовое пространство регионов различается. В период вспышки пандемии коронавируса власти российских регионов получили право устанавливать правила въезда в них, адаптируя режим границ, и принимать другие меры по борьбе с распространением инфекции. Так, например, в Москве, самом многонаселенном субъекте РФ с высокой плотностью жителей, владельцы автомобилей могли пользоваться ими два дня в неделю при условии получения электронных пропусков, тогда как в Московской области, где плотность населения и соответственно контактов между людьми ниже, такие ограничения не были введены.

На внутрирегиональном уровне важнейший фактор, побуждающий адаптировать границы муниципальных образований к меняющемуся расселению и размещению хозяйства, – депопуляция и изменение конфигурации хинтерландов городов. Ослабление административного центра означает и ослабление соответствующей территории. Оно потенциально ведет к изменениям, а иногда и перекройке границ. Поддержание полного набора государственных и муниципальных учреждений в обезлюдивших сельских муниципальных районах, да и многих городских округах требует слишком больших затрат. Не всегда помогает и организация межрайонных учреждений (налоговых инспекций, прокуратур, военкоматов и т.д.).

Поэтому число муниципальных образований сокращается. Во многих областях остались только городские округа, в состав которых включены бывшие муниципальные районы. При этом обычно границы укрупненных образований следуют уже существовавшим границам, но иногда меняются и их линии.

Политико-административные границы – необходимая рамка государственной политики и принятия политических решений, инструмент создания и поддержания определенного социального порядка на различных пространственных уровнях. Вместе с тем, как и любое средство, – изменение границ панацея: оно может значительно способствовать решению стоящих перед обществом задач на разных пространственных уровнях, но может и навредить, создать новые трудности. Поэтому столь часто существование, конфигурация, функции и режим границ оспариваются противостоящими политическими силами, межрегиональные, муниципальные и особенно государственные границы служат объектами ожесточенных споров и конфликтов. Фундаментальная научная задача состоит в понимании не только того, как возникают и контролируются границы, но и почему и где они возникают, как, кем и в чьих интересах используются.

Выводы. Исследование границ превратилось за последние три десятилетия из преимущественно описательной периферийной области на стыке между общественной географией и политологией в самостоятельное междисциплинарное научное направление. Причины этой трансформации заключаются как в растущем и динамично меняющемся общественном запросе на пограничные исследования, так и во впечатляющем прогрессе их теоретических основ.

В изучении границ можно условно выделить два все теснее связанных подхода – более традиционный *прагматический* и появившийся сравнительно недавно *критический*, сфокусированный на анализе когнитивных и символических функций границ и роли дискурса в их изменении. Оба подхода активно развивались.

Политические и административные границы в настоящее время рассматриваются как сложный общественный феномен. Его более глубокому пониманию значительно способствовала разработка понятия о посто-

янном процессе изменения режима, функций и соотношения контактных и барьерных функций границ в результате сдвигов в международной обстановке и двусторонних отношениях, экономических факторов, деятельности политических институтов и практики трансграничных взаимодействий и т.д. (*bordering*). Благодаря возникновению критического подхода произошел переход от изучения границ между государствами к рассмотрению иных формальных и неформальных (культурных, социальных, религиозных) границ, определяющим фрагментацию политического пространства в разных масштабах, сдвиги в территориальной идентичности и способы управления обществом.

Мощные мировые потрясения последних лет – обострение глобальной геополитической ситуации, миграционный кризис, пандемия коронавируса и др. меняют тематику и смещают фокус исследования границ. Можно выделить семь их магистральных направлений, в числе которых – анализ роли границ в предотвращении нелегальной международной миграции; практически повсеместное укрепление барьерных функций государственных границ, в том числе путем их милитаризации и строительства пограничных физических барьеров; перераспределение функций между границами разного уровня в результате фрагментации политического пространства. Она вызвана кризисом государственности в ряде регионов мира, миграцией, асинхронностью и разнонаправленностью эволюции экономического, культурного и правового пространства сопредельных государств, социальным неравенством и сдвигами в идентичности их жителей, иностранным вмешательством, кризисом принципов либерализма и другими факторами. Идентичность жителей приграничья и их представления о своей стране и ее рубежах становятся индикатором стабильности государства и его легитимности.

При этом сохраняет свою актуальность и более «старая» тематика пограничных исследований, в том числе анализ влияния

границ разного уровня на жизнь общества в результате взаимодействия соседних стран, регионов, местностей, практика «де-» и «ре-территориализации» – делегирования части государственного суверенитета на над- или субнациональный уровень и перемещения соответствующих функций государственных границ в результате процессов экономической и политической интеграции и дезинтеграции на разных территориальных уровнях, влияние на границы прямых и обратных связей между событиями на глобальном и локальном уровне.

Процессы глобального и макрорегионального уровня сказываются и на внутренних территориях, в том числе культурно-символических функциях их границ. И наоборот, низовые социокультурные и политические процессы приводят к трансформации статуса и функций, казалось бы, второстепенных и даже полустертых (реликтовых) границ, повышая их порой до уровня государственных.

Новой темой в исследованиях границ стала целостность сложно структурированной их мировой системы, для которой существенны не только свойства и функции ее отдельных элементов, но и их сочетания и соотношения. Функции формальных границ разного уровня (государственных, региональных, муниципальных) похожи, но по-разному и в разных сочетаниях проявляются на каждом из них. Суть изоморфизма в том, что границы служат средством адаптации территории к (гео)политическим сдвигам, усилению или ослаблению политических центров, изменениям в расселении и размещении хозяйства. Манипуляции делимитацией, функциями и режимом границ – важный инструмент территориальной организации общества. Такая адаптация чаще касается именно функций границ, но в ее ходе иногда меняется и их начертание.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ «Эффекты и функции границ в пространственной организации российского общества: страна, регион, муниципалитет» (№ 22–17–00263).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука. 2008. 216 с.

2. *Бусыгина И.М., Филиппов М.Г.* Изменение стимулов и стратегий национальных правительств в условиях многоуровневого управления в Европейском союзе // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 148–163.
3. *Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
4. Введение в исследования границ / Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. 426 с.
5. *Вендина О.И., Гриценко А.А.* Культурный ландшафт пограничья и борьба за символические ресурсы для утверждения суверенитета // *В фокусе наследия*. Под ред. М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т географии РАН, 2017. С. 398–416.
6. *Зотова М.В., Гриценко А.А., фон Левис С.* Свои или чужие? Трансформация приграничных практик и отношение к соседям в Белгородской и Ростовской областях России после 2014 г. // *Этнографическое обозрение*. 2021. № 1. С. 124–144.
7. *Зотова М.В., Гриценко А.А., Себенцов А.Б.* Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик // *Мир России*. 2018. Т. 27. № 4. С. 56–77.
8. *Колосов В.А.* Критическая геополитика: основные концепции и опыт ее использования в России // *Политическая наука*. 2011. № 4. С. 31–52.
9. *Колосов В.А., Зотова М.В., Туров Н.Л.* Геополитика и политическая география в России: глобальный контекст и национальные особенности // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2022. № 3. С. 393–415.
10. *Кондратьева Н.Б.* Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспектива. М.: Ин-т Европы РАН, 2020. 384 с.
11. *Корнеевец В.С.* Международная регионализация на Балтике. СПб: Изд-во СПбГУ, 2010. 207 с.
12. *Михалев М.С.* Этнокультурные, этносоциальные и этнополитические проблемы в судьбе коренных народов российско-китайского трансграничья (конец XX – начало XXI вв.). Дисс. ... докт. ист. наук. М.: Ин-т этнологии и культурной антропологии РАН, 2021. 305 с.
13. *Пальмовски Т., Федоров Г.М.* Российско-польское пограничье: проблемы и перспективы развития трансграничных отношений // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. Р. 178–191.
14. *Российское пограничье: вызовы соседства*. Под ред. В.А. Колосова. М.: ИП Матушкина, 2018. 562 с.
15. *Федоров Г.М., Корнеевец В.С.* Трансграничная регионализация в условиях глобализации // *Балтийский регион*. 2010. № 4. С. 103–114.
16. *Aalto P.* A European geopolitical subject in the making? EU, Russia and the Kaliningrad question // *Geopolitics*. 2002. Vol. 7. № 3. P. 143–174.
17. *Amilhat Szary A.-L.* Géopolitique des Frontières. Découper la Terre, Imposer une Vision du Monde. Paris: Le Cavalier Bleu, 2020. 206 p.
18. *Amilhat-Szary A.-L., Girault F.* Borderities and the Politics of Contemporary Mobile Borders. London: Palgrave Macmillan, 2015. 324 p.
19. *Amilhat Szary A.-L., Hamez G.* Frontières. Paris: Armand Colin, 2020. 354 p.
20. *Anđelković-Stoilković M., Devedžić M., Vojković G.* The border regions of Serbia: Peripheral or marginal areas // *Trames. Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 2. № 2. P. 211–227.
21. *Basboga K.* The role of open borders and cross-border cooperation in regional growth across Europe // *Regional Studies. Regional Science*. 2020. Vol. 7. № 1. P. 532–549.
22. *Benedek J., Moldovan A.* Economic convergence and polarisation: Towards a multi-dimensional approach // *Hungarian Geographical Bulletin*. 2015. Vol. 64. № 3. P. 187–203.
23. *Boehmer C.R., Peña S.* The determinants of open and closed borders // *Journal of Borderlands Studies*. 2012. Vol. 27. № 3. P. 273–285.
24. *Böhm H.* The influence of the Covid-19 pandemic on Czech-Polish cross-border cooperation: From debordering to re-bordering? // *Moravian Geographical Reports*. 2021. Vol. 29. № 2. P. 137–148.
25. *Bissonnette A., Vallet E.*, eds. *Borders and Border Walls*. London: Routledge, 2021. 228 p.
26. *Browning C.S., Joenniemi P.* Gibraltar, Jerusalem, Kaliningrad: Peripherality, marginality, hybridity. In: *The Geopolitics of Europe's Identity*. N. Parker, ed. New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 141–158.
27. *Boucher A., Hooijer G., King D., Napier I., Stears M.* COVID-19: A Crisis of Borders. 2021. 18 p. DOI: 10.1017/s1049096521000603.
28. *Brambilla C., Laine J., Bocchi G.* Borderscapes: Imaginations and Practices of Border Making. London: Routledge, 2016. 280 p.
29. *Brambilla C., Jones R.* Rethinking borders, violence, and conflict: from sovereign power to borderscapes as sites of struggles // *Environment and Planning D*. 2020. Vol. 38. № 2. P. 287–305.
30. *Brunet-Jailly E.* Theorizing borders: an interdisciplinary perspective // *Geopolitics*. 2005. Vol. 10. № 4. P. 633–645.
31. *Chaulagaina R., Nasserb W.M., Young J.E.* Stay home save lives: essentializing entry and Canada's biopolitical COVID Borders // *Journal of Borderlands Studies*. Published online: 03 October 2021. P. 1–18. DOI: 10.1080/08865655.2021.1985588.
32. *Durand F., Decoville A.* A multidimensional measurement of the integration between European border regions // *Journal of European Integration*. 2020. Vol. 42. № 2. P. 163–178.
33. *Golunov S.* Pandemic borders of post-Soviet de facto states // *Journal of Borderlands Studies*. 2021. P. 1–20. DOI: 10.1080/08865655.2021.1943495.
34. *Golunov S., Smirnova V.* Russian border controls in times of the COVID-19 Pandemic: social, political, and economic implications // *Problems of Post-Communism Pages*. Published online: 15 Jun 2021. P. 71–82. DOI: 10.1080/10758216.2021.1920839.

35. *Gülzau F., Mau S.* Walls, barriers, checkpoints, landmarks, and «no-man's-land». A quantitative typology of border control infrastructure // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 2021. Vol. 46. № 3. Special Issue: Borders as Places of Control. P. 23–48.
36. *Fedorov G., Mikhaylov A.* Regional divergence dynamics in the Baltic region: Towards polarisation or equalization? // *Geographia Polonica*. 2018. Vol. 91. № 4. P. 339–411.
37. *Von Hirschhausen B., Grandits H., Kraft C., Müller D., Serrier T.* Phantom borders in Eastern Europe: a new concept for regional research // *Slavic Review*. 2019. Vol. 78. № 2. P. 368–389.
38. *Houtum van H.J., Kramsch O.T., Zierhofer F.W.* *B/Ordering Space*. Aldershot (UK): Ashgate. 2006. 251 p.
39. *Houtum van H.J.* Beyond »borderism»: overcoming discriminative b/ordering and othering // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2021. Vol. 112. № 1. P. 34–43.
40. *Jones R.* *Border Walls: Security and the War on Terror in the United States, India, and Israel*. London: Zed Books, 2012. 224 p.
41. *Kolosov V.* Phantom borders: the role in territorial identity and the impact on society. *Belgeo*. 2020. № 2. P. 1–18. DOI: 10.4000/belgeo.38812.
42. *Kolosov V., Morachevskaya K.* The Role of an open border in the development of peripheral border regions: The case of Russian-Belarusian borderland // *Journal of Borderlands Studies*. 2022. Vol. 37. № 3. P. 533–550.
43. *Kolosov V., Scott J.* Selected conceptual issues in border studies // *Belgeo*. 2013. № 4. P. 9–21.
44. *Kolosov V., Tikunov V., Eremchenko E.* Areas of socio-geographical study of the COVID-19 pandemic in Russia and the world // *Geography. Environment. Sustainability*. 2021. Vol. 14. № 4. P. 109–116.
45. *Kolosov V., Zotova M.* «De-facto borders» as a mirror of sovereignty. The case of the post-Soviet non-Recognized States // *Historical Social Research*. 2021. Vol. 46. № 3. P. 178–207.
46. *Konrad V.* Toward a theory of borders in motion // *Journal of Borderlands Studies*. 2015. Vol. 30. № 1. P. 1–17.
47. *Laine J.* *New Civic Neighborhood: Cross-border Cooperation and Civil Society Engagement at the Finnish-Russian Border*. Joensuu: University of Eastern Finland, 2013. 461 p.
48. *Lunden T.* *Border Regions and Cross-Border Cooperation in Europe. A Theoretical and Historical Approach*. Cham (Switzerland): Springer International Publishing, 2018. 187 p.
49. *Mamadouh V.* *Borderitis* // *Newsletter of IGU Commission on Political Geography*. 2015. № 19. P. 2–5.
50. *Möller C., Alfredsson-Olsson E., Ericsson B., Övervåg K.* The border as an engine for mobility and spatial integration: A study of commuting in a Swedish–Norwegian context // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography* Published online: 17 Jul 2018. P. 217–233. DOI: 10.1080/00291951.2018.1497698.
51. *Newman D., Paasi A.* Fences and Neighbours in the post-modern world: Boundary narratives in political geography // *Progress in Human Geography*. 1998. Vol. 22. № 2. P. 186–207.
52. *Paasi A.* Political borders // *International Encyclopedia of Human Geography*. Kobayashi A., ed. Oxford: Elsevier. 2020. P. 320–335.
53. *Paasi A.* Problematizing 'bordering, ordering, and othering' as manifestations of socio-spatial fetishism // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2021. Vol. 112.1. P. 18–25.
54. *Paasi A. and Zimmerbauer K.* Penumbra borders and planning paradoxes: relational thinking and the question of borders in spatial planning // *Environment and Planning A*. 2015. Vol. 48. № 1. P. 75–93.
55. *Perkmann M.* Policy entrepreneurship and multi-level governance: A Comparative study of European cross-border regions // *Environment and Planning C. Government and Policy*. 2007. Vol. 25. № 6. P. 861–879.
56. *Radil S.M., Pinos J.C., Ptak T.* Borders resurgent: towards a post-Covid-19 global border regime? // *Space and Polity*. 2020. Vol. 25. № 1. P. 132–140.
57. *Rosière S., Jones R.* Teichopolitics: re-considering globalization through the role of walls and fences // *Geopolitics*. 2012. Vol. 17. № 1. P. 217–234.
58. *Rothmüller N.* Covid-19. Borders, world-making and fear of others // *Research in Globalization*. Vol. 3. Published online: 09 April 2021. DOI: 10.1016/j.resglo.2021.100036.
59. *Sack R.D.* *Human territoriality: a theory* // *Annals of the Association of American Geographers*. 1983. Vol. 73. № 1. P. 55–74.
60. *Sohn C.* Modelling cross-border integration: The role of borders as a resource // *Geopolitics*. 2014. Vol. 19. № 3. P. 587–608.
61. *Sahlins P.* *Boundaries: the Making of France and Spain in the Pyrénées*. Berkeley: UC Press: 1991. 324 p.
62. *Scott J.W.* Introduction: bordering, ordering, othering (almost) twenty years on // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2020. Vol. 112. № 1. P. 1–8.
63. *Scott J.W.* (ed.) *A Research Agenda for Border Studies*. Cheltenham (UK) and Northampton (USA) Edward Elgar, 2020. 374 p.
64. *Wassenberg B.* The Schengen crisis and the end of the «myth» of Europe without border // *Borders in Globalization Review*. 2020. Vol. 1. № 2. P. 30–39.

Статья поступила в редакцию журнала 24 августа 2022 г.

Об авторе:

Колосов Владимир Александрович – доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией геополитических исследований, заместитель директора Института географии РАН, г. Москва.

Для цитирования:

Колосов В.А. Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления // Региональные исследования. 2022. № 3. С. 23–36.

DOI: 10.5922/1994-5280-2022-3-2

**Border studies in the contemporary world:
progress in theory and main directions**

V.A. Kolosov

Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: kolosov@igras.ru

The objective of the paper is a brief analysis of the reasons for the growing interest in border studies and the progress of their theory. Numerous approaches to border studies can be divided into two large types - pragmatic and critical. The traditional pragmatic approach, based on an analysis of the functions of borders and using mainly historical-cartographic, functional, typological and statistical methods, has been significantly developed thanks to attention to non-state actors – local authorities, business, NGOs, etc., a much more extensive information base, strengthening understanding of the importance of cross-border cooperation and social practices related to the border. The critical approach is aimed at studying the cognitive-symbolic functions of borders associated with their perception, representation as sign systems, the politics of memory, discourses and narratives. Now, pragmatic and critical approaches are integrated, including in the model «practice – policy – perception». Largely influenced by the geopolitical shifts of recent years, seven key themes have emerged in the growing flow of border studies. They include the role of borders as a tool for controlling international migration and regulating other social processes, the widespread activation of the barrier function of borders, the redistribution of functions between them, etc. A possible direction for further development of border studies is the relationship and isomorphism of boundaries at different levels. Isomorphism means the similarity of functions of formal (state, administrative) boundaries at all levels, although manifested in different ways and in different proportions at each of them. The reason for this similarity lies in the fact that borders act as a means of adapting space to the redistribution of political influence between different actors and centers, changes in their geopolitical position, and the territorial distribution of the population and economy.

Keywords: border studies, theoretical concepts, main topics, functions, isomorphism.

Received 24.08.2022